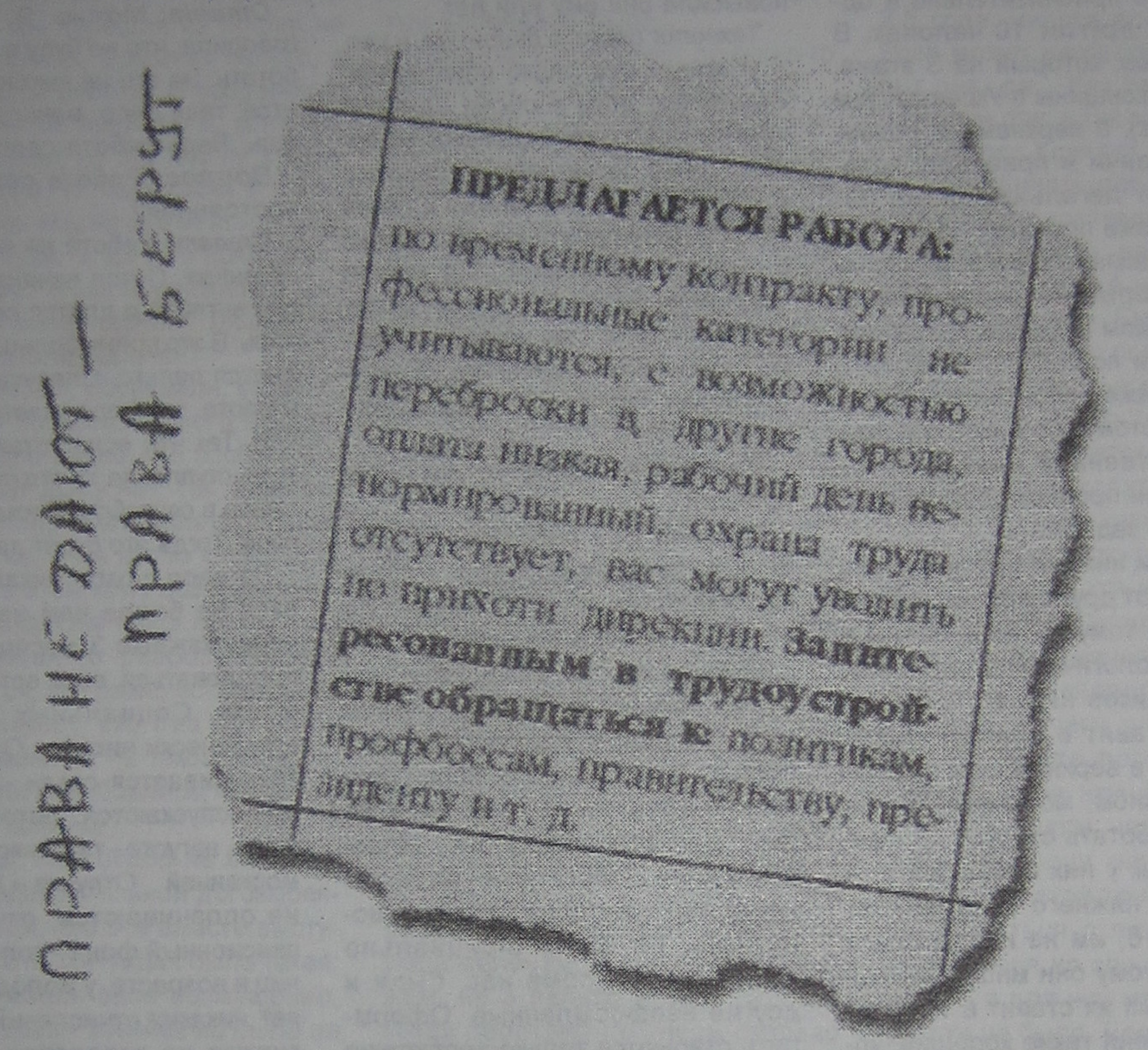
НОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Информационно - дискуссионный бюллетень

№ 11 Март 2002 г.

ЧТО ДАЕТ НАМ ОЧЕРЕДНОЙ КЗОТ?

ПРЕДЛАГАЕТСЯ РАБОТА: по временному контракту, профессиональные категории не учитываются, с возможностью переброски в другие города, оплата низкая, рабочий день ненормированный, охрана труда отсутствует, вас могут уволить по прихоти дирекции. **Заинтересованным в трудоустройстве обращаться к** политикам, профбоссам, правительству, президенту и т. д.

Вы согласны на такие условия?

Все еще надеетесь на законы?

Никто не защитит нас кроме нас самих.

Навяжем хозяевам свои условия несмотря на любые КЗОТы.

Анархо-синдикалисты

email: comanar@freemail.ru

конт адр: 117485 Москва а/я 34

ОБЫКНОВЕННАЯ ФАБРИКА

интервью, взятое у одной из работниц

Вопрос: Расскажи, пожалуйста, о предприятии, на котором Ты работала.

Ответ: Это частное предприятие в Москве, швейная фабрика, принадлежащая Острой Розе Васильевне. Оно находится в здании бывшего завода «Природа и школа». Предприятие состоит из 2 цехов: один цех - на четвертом этаже, другой - на третьем. Количество работников приблизительно в одном 14, в другом 10 человек. В нижнем цеху, который на 3 этаже, работают женщины с Украины (там 15 человек), в верхнем - в основном, москвичи и приезжие, которые имеют легальную регистрацию или даже прописку. Среди работников нижнего цеха есть 2 женщины, которые непосредственно живут в самом цеху; они находятся в состоянии полнейшей зависимости. Они даже особенно никуда не выходят, потому что в метро и других общественных местах- контроль, и если проверка документов, то их могут задержать...

Верхний и нижний цех не сильно контактируют друг с другом, потому что люди к тому же поставлены в такую психологическую ситуацию, что работников нижнего цеха постоянно ставят в пример «верхним». Ведь в верхнем цеху работают, в основном, москвички, и они не могут работать с 8 утра до 8 вечера, так как у них семьи, дети. А работницы нижнего цеха работают от 8 до 8, им не надо ехать к детям. Поэтому они много работают, и хозяйка их ставит в пример: вот, они у меня такие хорошие, хорошо работают. Из-за этого к ним существует неприязнь. Каких-то контактов, чтобы что-то вместе организовано сделать, к примеру, забастовку, - такого нет, это достаточно сложно.

Хозяйка появляется на предприятии редко. Перед тем, как я уволилась, я несколько дней не приходила на работу, потому что искала новую. Когда я пришла за расчетом, хозяйка не знала, что я не ходила на работу, она даже удивилась.. Она появляется там 2 раза в неделю, а то может вообще один раз в неделю. Реально всем занимается технолог, она следит за кроем, за пошивом и т.д. У хозяйки еще на этом предприятии работают 2 племянницы и муж сестры. Племянницы немного занимаются бухгалтерией, а в основном следят за ее местом на рынке, торгуют, занимаются ее сбытом. Есть еще оптовики, которые приезжают на сезон, покупают оптом и везут в другие города, в район. Между ними тоже бывают трения. Муж сестры возмущался, требовал повысить зарплату. Но я не знаю, повысила они ему или нет.

Технолог сидит, в основном, у нас. У украинок она редко появляется. Закройные есть в обоих цехах. В нижнем кроят по массовым моделям. Там в сезон даже малейшего контроля нет. У них иногда в сезон такой жуткий брак бывает, что даже с рынка возвращают. А в нашем цеху разрабатывают новые модели. И технолог там часто находится, следит и больше всего нас контролирует. Так что мы больше страдаем от этого.

Вопрос: Кто работает на предприятии?

Ответ: Все работницы - профессиональные портные. Работа над изделием идет от начала до конца, и работа на швейной машинке, и с утюгом, вся влажно-тепловая обработка и т.д. В нижнем цеху молодежи практически нет, всем от 30 и больше. В нашем цеху было 4 девчонки по 20-26 лет, другие - 30 и еще старше, 40... Молодые учатся в институтах - на технологов, конструкторов... Все мы, молодежь, не были официально оформлены. Кроме нас, были и другие неоформленные. Оформлять стараются только достаточно пожилых женщин. По отчислениям в пенсионный фонд, на предприятии работают всего 5 человек.

Вопрос: А каковы условия труда на предприятии? Расценки?

Ответ: Официальный рабочий день - с 9 утра до 6 вечера, перерыв на обед у нас минут 20, и то говорят: «Девочки, почему вы так долго обедаете?»... Расценки у нас такие: за демисезонное пальто платят 140 рублей, за зимнее - 160 рублей. Если работать по 8 часов, то выходит по 2 пальто в день, если больше - по 3. Сверхурочная работа в будние дни не оплачивается, если люди работают по субботам в сезон, то за день доплачивают 50 рублей.

Вопрос: Бывает ли так, что работниц «подгоняют»?

Ответ: То есть заставляют: «быстрее, быстрее»? Всегда! Как это делается? Ну, скажем: «Ой, девочки, давайте в субботу поработаем... Давайте,. давайте, приходите..». И каждому: «А может быть, ты в субботу поработаешь?». Это когда сезон, и идет работа.

Вопрос: А отказаться можно?

Ответ: Можно. Я, например, говорила, что не буду в субботу работать. За это не выгоняют. Считается: твое дело. меньше заработаешь. Ведь работа сдельная.

Вопрос: Работа сезонная или постоянная?

Ответ: Работа на предприятии сезонная. Сезон начинается в конце сентября и длится октябрь и ноябрь. В это время больше всего продается пальто. Следующий сезон - в марте, он продолжается всего месяц. Так что если устаивать какое-то выступление, то это лучше делать где-то в сентябре, ближе к концу месяца. Тогда это будет действенно...

Договор с работниками заключается не более чем на 3 месяца, через каждые 3 месяца он может продлеваться, если есть необходимость. Социальных гарантий - практически никаких. Отпусков нет: заканчивается сезон - и работники распускаются. Летом - в июне, июле, августе - там никого нет, даже москвичей... Отпуска и больничные не оплачиваются, отчисления в пенсионный фонд - только у работниц в возрасте, у молодых девушек нет никаких отчислений. Трудовые книжки не заводятся. Зарплата, которая указывается в договоре, - намного ниже, чем на самом деле, чтобы платить меньше налогов.

Вопрос: А работницы с Украины?

Ответ: Они проработают с сентября по май, а затем уезжают.

Вопрос: А как долго люди вообще работают на этом предприятии? Сколько ты сама там проработала?

Ответ: Я проработала 4,5 месяца. А максимальный срок - там работает одна женщина уже 2,5 года. Текучка кадров достаточно серьезная. Сложно друг на друга надеяться.

Вопрос: Но какие-то попытки сопротивления, какое-то недовольство все же случаются?

Ответ: Да. В самом начале моей работы я наблюдала такое. Я работала еще только 2 недели и видела, как выступили работницы верхнего цеха. Это не была даже забастовка, они не сделали что-то определенное. Это было спонтанно. Они собрались и выразили свое недовольство. Мы уйдем отсюда, сказали они, если не будут выполнены наши условия: повышение расценок и разделение труда (чтобы одна и та же работница не должна была делать все сама). Хозяйка, конечно же, поохала, пообещала все сделать, повысила расценки, но при этом увеличила работу. То есть мы перешли на пошив не демисезонных, а зимних пальто, а это больше работы. И разделение труда она не ввела. Мы, конечно, повыступали, но это нас ни к чему не привело. И люди были в таком состоянии: «Ну, ничего не вышло. Ну, когда-нибудь...». Да и то вряд ли...

Вопрос: А как принималось решение о выступлении? Люди что-то обсуждали заранее?

Ответ: Да, обсуждали, конечно. Но даже во время самого выступления было видно, что особого доверия друг другу нет. Так, одна работница получила зарплату больше, чем другие, и ее как-то оттеснили, ее даже в этом кругу возмущавшихся не было. Она была как бы не с нами. Какая-то разрозненность ощущается, все равно есть какая-то конкуренция... «А, она получила больше меня?!» - в таком роде.

Вопрос: А не боялись, что кто-то донесет хозяйке?

Ответ: Нет, особо не боялись. Ведь предварительной договоренности о том, что все вместе выступят, не было. Ситуация была такая: они высказали свое возмущение, но в это время хозяйки не было на предприятии. Они сказали все технологу, а та ответила: «Разговаривайте с Розой Васильевной!». Второй раз работницы высказали все хозяйке. Конечно, перед этим технолог позвонила ей и все рассказал. Хозяйка прибежала, пообещала, но ничего не сделала. Выступление было безрезультатным.

Вопрос: Условия труда у вас были хорошие?

Ответ: Сами по себе условия на предприятии неплохие. Цеха достаточно большие, оборудование хоть и подержанное, но в хорошем состоянии. Некоторые машины (петельные и т.д.) - вообще новые. Здание заводское, приспособленное. Там есть большие коридоры, большой холл, где собираются работники на нашем этаже: там ведь не только наш цех, но и цеха других хозяев. Туда стекаются люди покурить, поговорить. И нам рассказали, как на одном из предприятий работники распустили слух о том, что они собираются уходить, что у них уже есть предложения из других мест - чтобы хозяин повысил расценки. Но кто-то из работников же рассказал все хозяину, что это всего-навсего слух, никто никуда уходить не собирается и никаких предложение нет. И хозяин их всех уволил - в качестве «показательной меры», чтобы другим неповадно было.

Вопрос: Существуют ли какие-то наказания, штрафы, придирки?

Ответ: Когда сезон в разгаре, работу портных особо не проверяют. Смотрят: вроде ничего, неплохо, обычный покупатель же не разбирается во всяких мелочах. А когда сезон заканчивается, хозяйке невыгодно, чтобы работницы работали с той же скоростью, потому что вся продукция идет на склад, чтобы делать дополнительные склады, ей нужно арендовать новые помещения. Это новые траты. Поэтому она тормозит работу. Делается это с помощью технолога. Начинаются придирки. Придираются к разным вещам, не особо важным для обычного потребителя. Скажем, не все ли ему равно, будет ли у него внутренний шов 1,5 см. или 1,3 см? При общем объеме потеря в 1 см., даже меньше. Но требуют распарывать швы и делать заново. И много других различных придирок к разного рода мелочам. И получается, скажем, не 3 пальто в день, а 1,5... Люди работают по часам столько же, а зарабатывают меньше. Хозяйка держит работников, чтобы они не ушли, ей невыгодно, чтобы они уходили совсем, потому что впереди еще март. А после апреля - пожалуйста, можете вообще уходить. Украинки уезжают до сентября, а некоторые остаются работать, шьют легкую одежду, кофточки, юбочки, в очень малом количестве, заработок получается вообще низкий, многие предпочитают за такие деньги вообще не работать и тоже возвращаться в сентябре.

Вопрос: Хозяйка не пытается внушить работницам что-то вроде того, что «мы - одна семья», «у нас одни интересы» и т.д.?

Ответ: Есть такое. К примеру, она там появляется и признается в своей любви к нам. «Я вас так люблю, вы такие хорошие...». Начинает плести всякую ерунду, как она о нас тревожится. Когда я только пришла на работу, то как-то даже неловко себя чувствовала, когда она начинала говорить: «Ой, ты такая хорошая девочка...». Когда мы говорим друг с другом за обедом, некоторые молодые девчонки верят, что она действительно хорошо к ним относится. А другие говорят: «Да? Ты ее слушай, слушай, что она тебе наговорит...». Женщина, которая проработала 2,5 года, иногда вразумляет, что Роза может наговорить. «Ага, любит она, да... Как расценки повысить - так фиг, а так она вас любит».

Вопрос: Хозяйка пытается както разъединять работников?

Ответ: У нас люди ходят курить, и хозяйка как-то, не особо акцентируя, сказала: «А что это вы все вместе ходите?». Была у нее такая фраза. И тем, кто постарше: «А что это вы их (молодых девчонок) с собой водите курить?». Они: да что это она тут за детский сад устраивает? Ну, хотят ходить курить, пусть ходят. Но у нее какие-то подозрения были, что что-то там неладно может быть. Хотя на самом деле после этого августовского выступления больше ничего не было. Разговоры там, недовольство какое-то частное, ничего определенного. Даже в холле поговорить тоже сложно. Если научиться находить подход к людям, настроить на правильную волну, начать разговор, подвести к этой теме... Надо больше общаться с людьми, учиться этому. Меня не слушали еще потому, что я для них маленькая, авторитета не было. Если бы мне было там лет 30, была бы я знающая жизнь, я еще могла бы с ними на равных поговорить. Хотя я многие вопросы вижу, которые они, сталкиваясь с ними, не видят. И, потом, они считают, вот, ладно, скоро устроится, все будет нормально, перетерпим. А потом говорят: «Ой, мне уже столько лет, мне этим заниматься не хочется... У меня уже дети, у меня муж, дела домашние, сковородки, миски и все остальное». У них постоянно нет времени, и все. Действительно, от зари до зари работают, и времени нет. Потом приходят домой, а там дома - дел... А я когда непосредственно сижу за машинкой, и некоторые операции у меня уже

автоматом получаются, я сижу, размышляю. Иногда там что-нибудь напортачу, что-нибудь забыла... Но все равно: размышления над тем, что сейчас происходит, почему так, - это все за рабочей машинкой. Что надо сделать, чтобы действие было эффективнее...

Вопрос: Как, с Твоей точки зрения, работники могут сопротивляться хозяевам на таких предприятиях? Что можно было сделать в таких условиях, как ваши?

Ответ: Во-первых, надо объединяться с нижним цехом. Самое главное - объединиться, искать путей соприкосновения, контактов. А ведь даже мыслей не возникает, что надо что-то делать, они не собираются. Если бы люди действительно чего-то захотели, можно было бы сделать. Если какое-то недовольство есть и у тех, и у этих, они могли бы встречаться, зайти, вроде как за кроем, и передать чего-нибудь. Далее, забастовку, выступление надо устраивать именно перед сезоном. Не в августе, как это было сделано, когда сезона еще нет и хозяйке в принципе все равно, уйдут работницы или нет, она может набрать новых. А тут, если бы они сделали выступление, к примеру, в середине сентября, хозяйка не смогла бы найти новых работниц, не успела. Она никого не сможет уволить. Тем более, если сразу начнут возмущаться оба цеха! Они могут какие угодно условия выставлять - хозяйка на все пойдет. Но они этого не понимают. Не понимают, что надо поставить ее в такое тупиковое положение - и все, осень многое можно было бы решить и сделать. Они к тому же вдобавок еще и не анализируют свои ошибки, не задумываются, почему у них ничего не получилось, что надо изменить, какую тактику применить... Я как-то думала над этим, анализировала... Сложно мне было их как-то настроить. В принципе, они хозяйку ненавидят, но не до такой степени, чтобы объединиться и решиться на серьезные действия. Хотя, скажем, за обедом слышишь много разговоров, которые показывают неприязнь к ней.

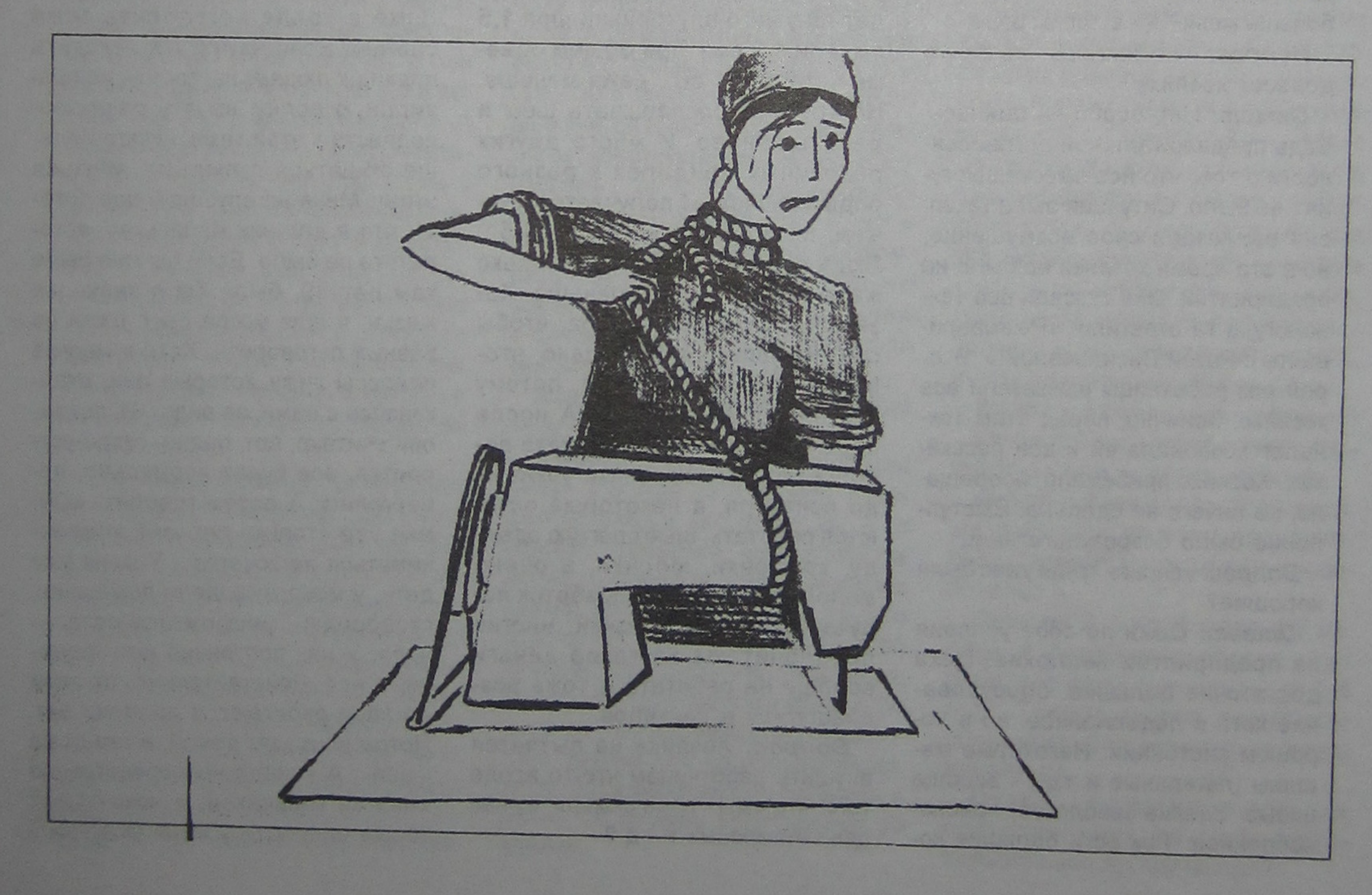
Вопрос: И на что же люди надеются?

Ответ: Я как-то поднимала все эти вопросы. К примеру, говорила: вот, ваши дети учатся в школе, скоро пойдут в вузы, а вузы сейчас все платные (скажем, в вузе, в который я сейчас поступаю, 60% - «платников» и только остальные бесплатные, еще недавно было наоборот). Ваши дети, говорю я им, не получат высшего образования, даже если очень постараются, все равно не купите, денег не хватит. Я пыталась им объяснить, они отмахивались: «Да ну... Я сейчас буду больше зарабатывать, у меня муж тоже зарабатывает, все наладится, все будет хорошо!». Они надеются, не видят, что все становится хуже и хуже, это можно легко проследить.

Вопрос: А сама ты не пыталась объяснить другим людям то, что поняла?

Ответ: Я уже давно до этого додумалась, за машинкой. Но объяснить им - тоже сложно. Чтобы донести до них что-то... Я хотела попытаться это сделать перед своим уходом, объяснить им, до чего я додумалась, но не получается у меня. Они не слушают, реагируют как-то отвлеченно. Я же не могу им просто сказать: «Если вы хотите сделать забастовку, надо то-то и то-то...» Это же не так делается, Людей надо как-то подвести к этому, чтобы сами до этого додумались. Надо долго разговаривать. А на это нужно время . Я завожу разговор, о детях разговариваю, они уходят на другое, уводят разговор в сторону. И я пока не умею с несколькими сразу разговаривать. Надо уметь сконцентрировать внимание на чем-то определенном. Но иногда я пыталась поодиночке разговаривать, и в принципе так можно людей к чему-то подвести. Но сделать что-то все-таки можно. Для этого работникам надо объединяться.

Т.М.
Декабрь 2001 г.

ЗА РУЛЬ ПОД ПРИСМОТРОМ ОМОН

9 ноября на улицы Самары не вышел ни один муниципальный автобус Водители всех городских автотранспортных предприятий объявили бессрочную забастовку.

Это была вторая забастовка самарских водителей. Первая состоялась 14 июня, в ней участвовали работники нескольких автопарков. Тогда городская администрация пошла на переговоры (после чего забастовка была приостановлена), но в итоге ничего кроме "еще немного потерпеть" не предложила.

Водители стали готовить общегородскую забастовку. В стачком вошли водители четырех из пяти автотранспортных предприятий, и он стал действовать паралельно с профкомом ФНПР. Последний лишь на одном из предприятий встал на сторону коллектива (а его председатель там даже вошел в стачком). 9 ноября стачка прошла сплоченно, водителей поддержали кондуктора и работники ремонтных служб. Требования бастующих остались прежними: повышение зарплаты до уровня 1998 года (около 300 долл. в мес. против нынешних 70), снижение стоимости проезда с 3 до 2 руб. при отмене льгот на проезд и 100% дотации нуждающихся из бюджета, недопушение ликвидации муниципального транспорта. Администрация попыталась задействовать штрейкбрехеров, но им не дали выехать на линию.

Мнение члена стачкома, одного из водителей: "Положение на самом деле критическое. Любой специалист, который владеет хотя бы минимальной информацией, скажет, что если укомплектованность парка людьми составляет 1-2 человека на автобус (при норме 2,1), и люди уходят с предприятий, то это о чем-то говорит. У нас, у всех работников единое мнение: муниципальный транспорт умышленно уничтожают, чтобы лишиться его. Мы дотерпелись до того, что Губернская Дума при распределении городского бюджета городские нужды откинула на седьмое или девятое место... Самаре ничего не будет, нам в том числе."

Он же говорит: "Нас сейчас давит частный извоз, который выгребает последних оставшихся платных пассажиров. Мы просто поставлены на грань уничтожения". Частные "Газели" ходят по тем же маршрутам, билет в них стоит 6 руб., билет в муниципальном автобусе - 3 руб., благодаря чему этот транспорт еще доступен малообеспеченным горожанам. На муниципальных автобусах ездят и льготники, за которых должны платить из федерального бюджета, но никто не платит (федеральный долг Самаре по этой статье превысил 600 млн. руб.). Говорят что у частного транспорта "крыша" в гор- и обладминистрации. Известно также, что администрация вознамерилась слить несколько автопарков в один, сократив численность водителей.

9 ноября с бастующимися встретился глава города Г.Лиманский. Договорились, что конкретные меры будут приняты до 20 ноября.

Десять дней приостановки стачки начальство использовало с толком: водителей всех АТП, пугали увольнениями, снятием с очереди на жилье; 19 ноября на первом заседании рабочей группы присутствовали только начальники, самих забастовщиков туда не пустили. Те развернулись и ушли, объявив о возобновлении с 20 ноября стачки с теми же требованиями.

20 ноября в 5.00 в АТП-5 прибыл отряд ОМОН и начал проверять пропуска. Троих членов стачкома из АТП-2, ехавших в АТП-5 для координации действий остановили по дороге, отобрали у них права (стачкомовцы ехали на личой машине одного из них) и увезли их в КПЗ Кировского РОВД. Стачкомовцы из АТП-2 вовремя забеспокоились, позвонили директору АТП-2 и предупредили, что не выйдут на линию, пока их товарищей не освободят. Задержанных отпустили, но за время их отсутствия администрации удалось сорвать стачку на АТП-4 и АТП-5. Под давлением ОМОНа водители вышли на работу.

Важный факт отметили самарские телекомпании (которые трудно заподозрить в симпатии к рабочим): практически все опрошенные ими пассажиры поддержали требования бастующих и жалели, что стачка не состоялась, хотя им в случае возобновления стачки и пришлось бы идти пешком.

Настроение водителей и кондукторов после срыва стачки одна из жительниц Самары описывает следующим образом: "Захожу в автобус... старенький ЛиАЗ, выпущенный в 70-е или 80-е годы. Ощущение - выхлопная труба выведена в салон, так здесь пахнет отработанным бензином. Автобус содрогается на каждой выбоине так, будто у него нет рессор совсем. И вот в этой газовой камере уже одиннадцатый час ездит кондуктор лет пятидесяти , очень полная с нервным тиком на лице. Покупаю билет, спрашиваю: "почему вчера не возобновили стачку?" - грустно отвечает: "Да многие засомневались будет ли толк..." Говорю ей: "Вы молодцы, ваша забастовка - это как маяк, у нас в Самаре до сих пор такой общегородской стачки не было". Она оживает и совершенно серьезно говорит то, что я никак не ожидала услышать: "Из искры возгорится пламя?"...

Зарплата у кондуктора - 2000 рублей в день при работе по полторы смены через день - то есть двенадцать часов работы, затем полтора суток отдыха и снова двенадцать часов. Хочешь заработать больше - выходи чаще, протискивайся через салон по узкому проходу, выслушивай гадости: не будешь двигаться - выручку не сделаешь. На вопрос, какой у них профком в автотранспортном предприятии, она отвечает...: "Какой? Х...ня-муйня!"

Объясняю, что бывает другой рабочий профсоюз, который действует как стачком, но при этом защищает стачечников и зависит только от рабочих. Удивляется и не верит. Конечная. Перерыв пять минут. Моя новая знакомая выходит отметиться, глотнуть воздуха - и снова в "газовую камеру" на следующий круг.

У водителей - более бодрый настрой. они говорят: "Мы забастовку не прекратили, а приостановили. Посмотрим, как пойдут переговоры в рабочей группе, если нас будут дурачить, мы снова встанем и уже не на один день"".

Видимо до администрации дошли слухи о таких настроениях, а может она просто поняла, что на ОМОНе долго не продержишься. Во всяком случае в рабочей группе стачкому удалось

кое-чего добиться. Зарплата водителям и кондукторам была повышена на 15%. 30 млн. руб. было выделено губернатором на обновление автопарка. Но самым большим успехом рабочих стало то, что администрация отказалась от планов ликвидации АТП. Один из членов стачкома по этому поводу сказал: "Даже если мы дали возможность пенсионерам ездить бесплатно на общественном транспорте на полгода дольше - это уже здорово".

По сообщениям газеты «Стачка»

ЗАБАСТОВКА В ТОЛЬЯТТИ

Утром 25 декабря забастовали шоферы АТП № 1 г.Тольятти. На линию не вышел ни один из 75 автобусов. Водители требовали выплаты задолженности, индексации зарплаты и повышения ее с 1 января до 15 тыс. в мес. Заранее об этой акции никому кроме самих забастовщиков не было известно, поэтому остановка транспорта привела к опазданию на работу рабочих автозавода и в итоге - к срыву работы завода. Это подействовало на власти, и с бастующими начал переговоры лично вице-мэр города. В 15.00 рабочим начали выдавать зарплату. Для разрешения остальных требований пока только создана совместная комиссия (что вполне может закончится умышленным затягиванием переговоров).

По сообщениям газеты «Стачка»

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С НОВОЙ РЕФОРМОЙ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Слово «реформа», вероятно, надолго, если не навсегда, станет ругательным в странах бывшего «Союза». Именно так в течении уже более чем дюжины лет именуют все попытки обобрать трудовой народ. Бесконечная череда реформ - цен, собственности, системы социальных гарантий, образования, трудового кодекса и т.д. и т.п. - непрерывным дождем бьет по нашим головам и спинам. От этого дождя некуда укрыться. И пересидеть, переждать его тоже невозможно. Те, кто нас им поливают, никогда не прекратят его сами, по своей доброй воле!

С 1 января 2002 г. власти приступили к очередному этапу так называемой «Жилищно-коммунальной реформы» (ЖКР). «Шоковая терапия» продолжается. Шок- это по-нашему! Чтобы пополнить бюджеты всех уровней, а в действительности - карманы чиновников и «новых русских богачей», режим снова пытается нас ограбить, выудив из наших карманов то, что там еще случайно могло заваляться после успешных предыдущих попыток. Помните этот анекдот: «Мы ограбили вас в 1990 г., обчистили в 1992 г., пустили по миру в 1995 и 1998 г.... Но сегодня у нас опять кончились «бабки». Заплатите...!». Именно так, и не иначе разговаривает с нами правительство. Теперь мы должны будем заплатить «100% рыночной стоимости» жилищно-коммунальных услуг. Смысл предпринимаемых властью мер весьма прост: он состоит в постепенной «либерализации» квартплаты и платы за газ, свет, воду, телефон и т.д. Аргумент все тот же: «наше» государство «слишком социально», мы живем не по средствам, плохо работаем, понимаешь... При этом нас заверяют, что новые тарифы не слишком отяготят бюджет большинства российских семей, что малоимущим будут выплачиваться субсидии. Впрочем, что-то подобное «верхи» говорят всегда. Если же меньше слушать, но больше соображать, то ЖКР предстанет тем, чем она и является: катастрофой. Ведь платить «западные» цены за жилье и коммунальные услуги предлагается нам - людям, чья зарплата отстает от западной в десятки раз. Для кого-то из нас это будет равносильно голодной смерти!

Обещаниям властей, что по «бедным», то есть по большинству населения новая реформа не ударит, вряд ли стоит доверять. Мы уже слышали и обещания «лечь на рельсы», и заверения, что реформы не будут идти «за счет народа». Опыт показывает, что все и всяческие реформы в нашей стране идут только и исключительно за наш счет, а пользу от них получают чиновники и предприниматели всех сортов. Для того они их и «предпринимают». Власти не желают, да и не могут всерьез посягнуть на карманы своей собственной опоры - новых богачей, как бы они не воевали с отдельно взятыми «олигархами». А вот народа они не боятся и убеждены, что могут делать с нами все, что захотят.

Не пора ли развеять их заблуждение? Самое время ответить на ЖКР всеобщей забастовкой квартиросъемщиков!

История знает примеры успешного сопротивления жителей против произвола в жилищно-коммунальной сфере. Так, летом 1933 г. анархо-синдикалисты в испанском городе Барселона организовали стачку квартиросъемщиков. Люди бойкотировали плату за жилье, газ и электричество. Были образованы домовые, уличные и квартальные комитеты, которые координировали сопротивление против выселений и действий полиции. Значительное участие в движении принимали женщины и дети. Если где-либо проводились выселения, перед полицейскими вставала толпа и мешала изгнанию жильцов из их квартиры.

Не будем платить по новым тарифам! Всех они не выселят! Наша сила в солидарности и в готовности защищать друг друга и от новых цен, и от репрессий властей.

Мы предлагаем всем жителям объединяться в ассоциации квартиросъемщиков, собирать силы и готовиться к всеобщей стачке.

Российская секция Международной ассоциации трудящихся

НАСИЛИЕ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВО -
СТИЛЬ ОТНОШЕНИЙ БЮРОКРАТИИ СО СТУДЕНТАМИ

Есть в Москве один вуз – Московский Городской педагогический Университет (МГПУ). Этот вуз несколько лет назад был создан правительством Москвы с целью восполнить нехватку учителей в московских школах. Некоторые меры, принимаемые администрацией в этом вузе, наглядно демонстрируют элементы неолиберального курса в системе образования. Этот курс выражается в том, что высшие чиновники государства стремятся сделать все сферы жизни общества (в том числе и сферу образования) прибыльными, подчинить законам коммерческой эффективности.

Осенью 1999г., после взрывов домов в Москве вышел приказ руководителя Комитета образования правительства города Москвы, Кезиной. Согласно этому проекту, каждое высшее учебное заведение города Москвы должно завести частную охрану на своей территории. Цель данного приказа, как и других мероприятий такого рода (в том числе проверок документов в метро), - продемонстрировать, что правительство Москвы проявляет заботу о безопасности жителей города. Конечно, людому психически здоровому человеку понятно, что безоружный охранник (либо вооруженный газовым пистолетом), нанятый в частном агентстве, ни от каких террористов никого не защитит. Единственное, что он может делать – это проверять наличие студенческих билетов у людей, входящих в здание университета. При всем при этом речь о покрытии расходов за счет правительства Москвы не шла. Деньги по этой статье расходов администрация решила изъять из кармана студентов. Сейчас каждый студент МГПУ должен вносить по 20 рублей в месяц (что составляет 200 рублей в год) на расходы, связанные с охраной здания. Поскольку плата студентами осуществляется не через банк (посредством перевода соответствующей суммы на счет охранного агенства), а из рук в руки соответствующим служащим университета, невозможно проверить, идут ли заплаченные деньги по назначению или же они тратятся по усмотрению высших университетских чиновников. На историческом факультете, например, деньги на содержание охраны выплачиваются студентами не через банк, а непосредственно в руки администрации.

Разумеется, студентов никто не спросил, нуждаются ли они в охраннике, сидящем у входа в здание, и нужна ли им вообще охрана. При бюрократической системе образования, существующей при капитализме, а также при осутствии в вузах России какого-либо реального, не марионеточного студенческого самоуправления, подобный ход событий неизбежен. Однако можно заметить некоторые элементы стихийного сопротивления новым порядкам со стороны студентов. Многие из них не вносят платы на содержание охраны до тех пор, пока администрация не начинает давление. Так на историческом факультете МГПУ к началу ноября 2001г. лишь на I и V курсах большинство студентов полностью внесли сумму на охрану за I семестр обучения. На остальных 3 курсах количество заплативших было ничтожно малым. На факультете были попытки более активного сопротивления поборам. Так летом 2000г. одна из студенток V курса подала в суд иск на администрацию исторического факультета. Суд признал сборы на охрану незаконными, официальная бумага, извещавшая об этом, была вывешена в здании исторического факультета. Однако, после телефонных переговоров декана факультета с прокурором, дело замяли и о решении суда быстро забыли.

В ответ на пассивное сопротивление студентов администрация МГПУ осуществляет акты давления. Осенью 2001г., на факультете технологии и менеджмента, администрация объявила, что каждому студенту не отдадут сданную в конце прошлого учебного года зачетку и студенческий билет, не будут выдавать какие-либо справки до тех пор, пока он не внесет деньги за охрану за весь I семестр. Аналогичные меры предпринимались и предпринимаются на других факультетах. С осени 2000г. по указанию администрации студентам исторического факультета, не заплатившим за охрану, не выдают никаких справок. В преддверии летней сессии 2000г. со стороны ряда преподавателей на лекциях, звучали обращенные к студентам «просьбы», заплатить за охрану до начала сессии. В ноябре 2001г. было проведено общее собрание IV курса исторического факультета, на котором заместители угрожали не допустить незаплативших до сдачи экзаменов, исключить их из университета и даже распустить курс в случае дальнейшей неуплаты денег на охрану. Тем, кто открыто выражал свое несогласие, было открыто заявлено, что они могут убраться из университета, если не желают подчиняться решению администрации о поборах.

Ко всему этому добавилось еще то, что здание исторического факультета МГПУ находится в аварийном состоянии. В ноябре в одной из аудиторий рухнула часть потолка. Но поскольку для студентов все обошлось без серьезных осложнений (лишь одна студентка получила легкое сотрясение мозга), ни к каким выступлениям студентов это ни привело. К тому же в ряде аудиторий был проведен ремонт потолков.

Вообще, грубое принуждение в отношении студентов здесь становится нормой. Одним из примеров стала встреча с индийским послом, произошедшая 28 ноября 2001г. на историческом факультете МГПУ. Чтобы удержать студентов на мероприятиях, связанных с этой встречей (кроме презентации прошло также выступление индийских артистов и местного студенческого самодеятельного коллектива), администрация запретила гардеробщице во время мероприятия выдавать студентам куртки и пальто. В результате работающие студенты опаздали на работу, а остальные не смогли уйти на запланированные ранее мероприятия.

Несмотря на все эти притеснения, протест студентов носит по большей части пассивный характер. Многим есть, что терять. Сейчас во многих вузах России открытое сопротивление ад-

министрации может привести к исключению инициаторов и участников таких действий. Учитывая то, что поступить в вуз сейчас не так просто, подобные перспективы никого не привлекают. К тому же нельзя сказать, что студенты доведены до полного отчаянья —это далеко не так. Стипендию в МГПУ платят регулярно. Ее как правило не задерживают. До прихода здания в полную негодность пока еще далеко. А оплата в 20 рублей за месяц не такая большая, чтобы изза нее стоять до последнего. Но мы должны помнить, что любое наступление на свободу личности начинается с малого. Поэтому, возможно, недалек тот день, когда от студентов московских вузов потребуют платить еще за какие-нибудь «услуги». В любом случае, рано или поздно студентам прийдется противопоставить хамству начальников более весомые методы отстаивания своих интересов, чем временная неуплата за навязываемые им услуги.

Д.Вольский

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

БУРЯ НА БЕРЕГУ СЕРЕБРЯНОЙ РЕКИ

«Ла-Плата» - «страна Серебряной реки». Так с давних пор называют Аргентину. Это раскинувшийся между Атлантикой и Андами край плодородных земель, развитого скотоводства, богатых запасов полезных ископаемых и знаменитых революционных традиций рабочего движения. Некогда страна процветала. Жадность и тирания власть имущих отбросила ее назад. Неолиберальный этап капитализма нанес Аргентине последний удар.

Кризис нарастает

Пришедшее к власти в 1999 г. «левое» правительство президента Ф. Де ла Руа шло на все, чтобы выполнить требования МВФ. В прошлом году оно провозгласило новый план «жесткой экономии», чтобы выплатить государственный внешний долг в 150 миллиардов доларов. Подлежали сокращению зарплаты всех работников государственного сектора, получающих больше 300 долларов в год. Последовавшая за этим волна стачек напугала капиталистов, и план был изменен: сокращения коснутся только тех, кто получает более 1000 долларов в год. Буржуазия в массовом порядке переводила деньги из страны (только за июль 2001 г. исчезло более 70% вкладов). Несмотря на то, что на Аргентину приходится более 20% капиталовложений в «развивающиеся» страны), страна оказалась на грани банкротства. Общий внешний долг государства и частного сектора составляет 220 миллиардов долларов! На фоне обвала еще более разительна систематическая и гигантская коррупция, в которую замешаны почти все политические группировки и ветви власти - сверху донизу.

Газета «Организасьон обрера» (орган анархистской рабочей федерации ФОРА - аргентинской секции М.А.Т.) приводит официальные, явно заниженные данные. Согласно им, в стране насчитывается 300 тысяч «новых бедных». 250 тысяч детей в возрасте до 5 лет страдают от систематического недоедания, 38 из них умирают каждый день. Фактически же к концу года было 4 миллиона безработных и 14 миллионов бедняков (40% населения). Каждый день умирало более 50 детей в возрасте до 1 года.. И все это происходит в очень богатой стране, производящей продовольствие!

Движение безработных трудящихся

Положение нищающих день ото дня трудящихся становилось все более безнадежным. Еще в 80-х гг. страну еще сотрясали волны стачек. Но неолибералы закрыли заводы. Дым заводов все чаще сменялся дымом баррикад, преграждающих дороги. Безработные (в настоящее время их численность достигает 17% трудоспособного населения страны) не имеют даже минимальных средств к существованию. В 90-х гг. разгромы продовольственных магазинов и перегораживание дорог стали преобладающей формой социального протеста. Многие из безработных пытались самоорганизоваться помимо всяких политических партий. Так возникло «Движение безработных трудящихся» (MTD). Некоторые из групп MTD связаны реформистским «оппозиционным» профсоюзом СТА или с маоистским течением ССС, которые помогают им материально и юридически. Некоторые же группы - совершенно независимы.

Пикеты с перегораживанием дорог в самых различных частях страны приобрели массовый и всеобщий характер. Только за первые 7 месяцев 2001 г. произошло 638 блокад. . В июне 2001 г. В июне «Союз безработных трудящихся» (UTD) перекрыл шоссе №34 у города Москони в провинции Сальта. Люди требовали работы, но правительство в ответ прислало сотни жандармов. В день проведения национальной ассамблеи всех пикетчиков региона жандармерия напала на демонстрантов и очистила от них шоссе. 2 человека (Карлос Сантильян и Хосе Оскар Барриос) были убиты, 50 ранены. Обычно власти и пресса в таких случаях пытаются возложить гибель людей на манифестантов. Но на сей раз убийства, произведенные жандармами, были засняты на пленку.

В ноябре 2000 г. безработные уже перекрывали шоссе №34 у города Тартагаль. Тогда полиция убила Анибаля Верона. В ответ безработные разгромили полицейские комиссариаты.

Характерно, что все это произошло в провинции Сальта - второй по запасам нефти и газа, которые доставляют баснословные прибыли компании «ЯПФ Репсоль», но ничего не дают народу. После столкновений Север провинции был оккупирован военными. Но люди продолжают организовываться и сопротивляться.

31 июля 2001 г. реформистские профсоюзы, чтобы не упустить движение из-под контроля, организовали «общенациональный день протеста», одновременно перегородив 145 дорог. Общее число блокад с 1997 г. превысило 1600.

Государство отвечало на подъем социального движения репрессиями. За 10 лет более 3 тысяч трудящихся были отданы под суд за участие в различных протестах. Власти судили людей, требующих еды перед супермаркетами: их обвиняли в «вымогательстве»! Против безработных, блокирующих дороги, правительство пускало в ход обвинение в «бунте», пытаясь преподать урок всем, кто хотел бы восстать против нищеты и безработицы.

Межпрофессиональное общество сопротивления ФОРА поддерживает контакты с некоторыми из групп движения безработных - теми, которые работают на неиерархической основе общих собраний и независимы от политических партий. ФОРА оказывает им посильную солидарную помощь.

Пикетчики и лидеры

Оппозиционные политики, пытающиеся использовать движение, вступили в переговоры с правительственными чиновниками в поисках того, что они именовали «конструктивным диалогом». Но, как справедливо замечала «Организасьон обрера», «пикеты происходят не по воле политических руководителей», а «от отчаяния людей; это неизбежный ответ на насилие со стороны государства: безработица и вместе с нею бедность побили все исторические рекорды»

«Волна пикетов достигла точки, когда она стала вызывать страх среди тех, кто был уверен в собственной безопасности посреди всеобщей несправедливости. «Это дело не уладить без чрезвычайного положения», - заявляли в финансовых кругах. Председатель «Сельского общества» (помещичьего) Крото требовал от властей обеспечить защиту со стороны полиции и жандармерии, чтобы «соображения ложных прав человека не отдали нас на произвол правонарушителей». Ответ не замедлил себя ждать: уголовное преследование трудящихся и «лидеров» и в качестве альтернативы - массовые аресты перед лицом растущей армии безработных, пытающихся выразить свое возмущение с помощью блокады дорог».

«Однако выступления продолжаются, и блокады дорог распространяются на всю территорию страны, - замечала осенью «Организасьон обрера». - Но профессиональные политики, не теряя времени, попытались влезть в эту борьбу, чтобы руководить ею и использовать в качестве воды на свою мельницу. Так, после первого конгресса (MTD) в Матансе труднее всего пришлось тем организациям, которые не получали помощи от аппаратов CCC и CTA». Бюрократы «подвергали нападкам любого участника пикетов, который не подчинялся их контролю», «обвиняя стихийные выступления в том, что они находятся на службе у чуждых интересов». Они заявляли, что «все, кто не прислушивается к их советам, - враги безработных». Опирающиеся на бюрократов политики, пишет газета, пытаются искать общий язык «с политиками, управляющими голодом и смертью», а для тех, кто не желает вести переговоры в духе CCC и CTA, уготованы судебные процессы. Неудивительно, что во втором конгрессе MTD не приняли участие многие местные «Движения безработных трудящихся», особенно с Юга страны. Они понимали, что собрание созвано «лидерами», которые хотели всего лишь укрепить свои позиции. На съезде была сформирована очередная политическая коалиция «Национальный фронт против бедности» с участием CTA, компартии, «Социального полюса» и партии ARI.

«Борьба пикетчиков началась на улицах и должна развиваться на улицах, без политических флажков и демагогов, стремящихся захватить власть, с участием людей, которые продолжают ее, как в Сальте и Неукене», - подчеркивала «Организасьон обрера».

Юбилей ФОРА

В условиях общего социального кризиса анархисты делали все, чтобы активизировать свою работу среди масс трудящихся. Аргентинская региональная рабочая федерация ФОРА отмечала в 2001 г. столетие со дня своего основания. За эти 100 лет она провела, вероятно, больше всеобщих и частичных забастовок, чем какой-либо иной рабочий союз за всю историю движения трудящихся. Сломленная десятилетиями непрекращающихся репрессий, ФОРА представляет собой сегодня сравнительно небольшую организацию. Но она не отказывается ни от своей тактики прямого действия (самоуправления в борьбе), ни от своей цели - анархистского коммунизма. «Куда ведет наш путь? - спрашивала в мае 2001 г. газета «Организасьон обрера», и сама давала ответ: - К обществу, состоящему из децентрализованных, самообеспечивающихся, объединенных в федерацию по доброй воле коммун и к организации производства, при которой люди трудятся недалеко от дома, сами отвечают за свою организацию и самоуправление, за управление своими школами, больницами, свою социальную и экономическую безопасность. Туда, где человек вновь обретет свое собственное, личное лицо - качество, утерянное в массовом обществе. Где возникнет новое чувство жизни. Где утвердится новая система ценностей...».

В январе, марте и 1 мая 2001 г. ФОРА провела акции в центре Буэнос-Айреса, на площади Онсе. Культурные и просветительные мероприятия по случаю столетнего юбилея старейшей из существующих анархистских рабочих организаций мира растянулись на весь май. В течении всего месяца в здании размещалась выставка художественных произведение и работали курсы экологического растениеводства.

26 августа возникла новая секция ФОРА на Юге страны. Трудящиеся из Эскеля и Чолилы организовали «Межпрофесиональное общество сопротивления Андского округа» и

провозгласили своей целью анархистский коммунизм.

«В новом столетии, - писала «Организасьон обрера», - ФОРА твердо продолжает свой путь, с теми же самыми идеалами, с равенством в качестве цели и солидарностью в качестве инструмента по пути к Свободе».

Буря разразилась

Социальный взрыв, который исподволь надвигался в течении всего года, наконец, произошел с наступлением жаркого и душного лета. В начале декабря 2001 г. предприниматели, финансисты, профбоссы и оппозиционные круги из национал-реформистской партии перонистов распустили служи о предстоящей девальвации аргентинской валюты - песо. Началась паника, со счетов в банках были сняты миллиарды долларов. На финансовом кризисе неплохо нажились крупные концерны. В попытке остановит утечку денежных средств правительство и министр экономики Д.Кавальо попытались приостановить все сделки с наличностью: со счетов нельзя было снять больше 250 песо (или долларов) в неделю. От этого больше всего пострадали, разумеется, не богачи, которые обычно не расплачиваются наличностью, а простые люди. Перед банками выросли гигантские очереди, пенсионеры не могли получить свои пенсии, рабочие - зарплату. Терпение людей было на исходе.

Воспользовавшись всеобщим недовольством, перонистская оппозиция задумала переворот с помощью профбоссов. Через своих местных активистов они осуществили первые нападения на супермаркеты, откуда возмущенные люди просто выносили товары, которые они не могли купить. Но, как быстро выяснилось, бюрократы играли с огнем. Протесты немедленно вышли из-под контроля оппозиции и в течении 2 дней распространились на всю страну. Они превратились во всенародное движение по экспроприации продуктов питания и товаров первой необходимости.

Все началось с серии изолированных экспроприаций в супермаркетах провинций Буэнос-Айрес и Энтре-Риос, а затем по всей стране. Из магазинов забирали все - от продуктов до электротоваров. Некоторые люди были обнажены до пояса. В Аргентине это означает: «Мою рубашку украла буржуазия». 19 декабря полиция начала разгонять людей, громивших супермаркеты, некоторые из торговых фирм стали раздавать бесплатно коробки с едой по 5 долларов. Но было уже поздно. Ситуация становилась все более напряженной, и в 11 вечера президент Де ла Руа ввел по всей стране осадное положение, вокруг резиденции правительства и Конгресса были размещены усиленные отряды полиции. В десятках кварталах Буэнос-Айреса начал раздаваться грохот пустых кастрюль и крики: «Мы хотим есть!». На улицы вышли не только бедняки, но и население кварталов, где обитает «средний класс». Люди стихийно собирались на улицах, из домов выходили мужчины и женщины с детьми, молодежь и старики. И все так же стихийно они двинулись к центру - Площади Конгресса и Майской площади.

«Революция пустых кастрюль»

Аргентинское население, годами обреченное на нищету, впервые освободилось из-под контроля традиционных вождей и политиков, стихийно собиралось по сигналу кастрюль, по призывам, передаваемым из уст в уста, по телефонным звонкам, по решениям уличных собраний. Некоторые выходили на улицы, узнав о происходящем из передач радио и телевидения. Никто не отдавал никакого приказа, все было чистейшей самоорганизацией, приобретавшей эффект снежного кома. «Осадное положение» полетело ко всем чертям. «Засуньте его себе в задницу!» - кричали демонстранты. Все начиналось сравнительно мирно под грохот кастрюль и звуки гудков, а закончилось в 3 часа утра клубами слезоточивого газа и свистом резиновых пуль, разрушениями, сотнями арестов и отставкой министра экономики Кавальо - главного «архитектора» неолиберальных реформ на протяжении последних двух десятилетий.

На следующее утро Майская площадь вновь заполнилась людьми. Демонстрация снова началась мирно, под гром кастрюль, в рядах манифестантов шли также старики и дети. Снова последовали репрессии. Все политические партии, включая представителей «левой» оппозиции - троцкистов, сталинистов и иже с ними - встречались с презрением. Не было видно никаких партийных флагов, плакатов или лозунгов. В официальных заявлениях троцкистские и сталинистские партии осудили столкновения с полицией и причинение разрушений, только отдельные их члены приняли участие в событиях, захваченные общей волной вопреки воле партбоссов. Можно было заметить участие различных непартийных организованных групп, а также значительного числа анархистов. То, что политика дискредитировала себя, было очевидно. Гнев собравшихся на Майской площади направлялся и против профсоюзных вождей, предпринимателей и банков, всех политиков, как правительственных, так и оппозиционных, против репрессивного аппарата. В середине дня президент Де ла Руа распорядился «очистить площадь». Полицейские обрушились на людей, хватали их, избивали, волокли за волосы. В течении всего вечера люди на площади отбивались от озверевших «стражей порядка». Они построили баррикады и перекрыли подход полиции. Тем временем, в центре площади полицейские расправлялись с еженедельным пикетом «Матерей Майской площади» (родственников пропавших без вести в годы правления военной хунты) и пацифистских групп. К 6 часам вечера центр столицы разделился надвое: район между Улицей 9 июля и Майской площадью удерживался полицией, а территория между улицей и зданием Конгресса была занята забаррикадировавшимися толпами. На улице 9 июля шли настоящие бои в дыму баррикад, клубах слезоточивого газа, под рокот мотоцик-

лов, которые вызывающе проскакивали под самым носом у полиции, все прибывавшей и прибывавшей на грузовиках и БТРах. Несмотря ни на что, люди отказывались покинуть улицы, Майская площадь была полностью окружена. Стало известно, что от полицейских пуль уже погибли 7 молодых людей. Люди с балконов лили ведра воды и швыряли лимоны, чтобы помочь замаскированным бунтарям, отбивавшимся от ментов палками и камнями. Царила атмосфера товарищества и солидарности. В конце концов силы «порядка» завладели самым центром города, но так и не справились с демонстрантами, которые продолжали разрушать и поджигать ненавистные символы капиталистической системы - банки, государственные учреждения, полицейские бюро и участки, здания страховых и пенсионных компаний, торговые фирмы, офис электрокомпании, «Мак-Дональдс», музыкальный супермаркет «Музимундо» и т.д. Улицы Мая и Корреньтес пылали. Наконец, в 7.30 вечера президент Де ла Руа объявил о своей отставке, но столкновения в центре и экспроприация из универмагов продолжались до наступления ночи.

В результате бунта и уличных боев 19-20 декабря погибло 30 человек, сотни раненых, 3200 арестованных и подвергшихся полицейским пыткам, более 200 экспроприированных супермаркетов, общий убыток тех, кто виновен в страданиях и нищете народа, превысил 1 миллиард долларов!!!

Борьба продолжается

По мере того, как по стране распространялись сообщения о том, что творится в столице и столичном округе, разгромы магазинов и бунты захватывали и провинцию. Полиция, как и в Буэнос-Айресе, отвечала репрессиями. Когда в разгар событий в центр столицы пытались пробиться новые тысячи манифестантов, профсоюзы объявили «всеобщую забастовку» - но сделано это было не для того, чтобы поддержать революцию, а чтобы остановить транспорт с новыми демонстрантами!

Перонистские вожди решили уже было, что одержали победу, в очередной раз одурачив народ. Они избрали нового президента - насквозь коррумпированного Родригеса Саа и успокоились. И совершенно напрасно. 28 декабря произошел новый взрыв народного гнева. Увидев, что новые власти ничего не собираются менять и дело пахнет очередными «жесткими и непопулярными мерами», люди снова вышли на улицы под грохот пустых кастрюль.

Вечером того дня на железнодорожной станции Онсе в столичном округе было подожжено несколько составов, люди забросали камнями полицию и государственные учреждения. Транспорт не работал из-за «дикой стачки», не санкционированной профсоюзами. Люди были возмущены тем, что они не могут ехать и требовали вернуть им стоимость билетов. Тут же разнеслись сообщения, что президент назначил на министерские посты известных коррупционеров и воров. Снова загремели кастрюли, и демонстранты осадили Конгресс и правительственный дворец Каса Росада. Марш был и на сей раз самоорганизованным, не было никаких партийных знамен и плакатов. В нем вновь участвовало множество анархистов. Хотя главный обвиняемый в коррупции подал в отставку, ночь принесла новые десятки раненых и арестованных. Демонстранты ворвались в восточное крыло Конгресса и подожгли его, вся мебель была выброшена наружу и немедленно сожжена. Не лучше пришлось и полицейским: десяток из них получил ранения, когда в «стражей порядка» полетели камни, палки, все, что попадалось под руку. Убитых на сей раз не было, но на следующий день бывший полицейский застрелил в баре трех молодых людей и чуть не был растерзан соседями.

В панике президент Родригес Саа созвал представителей всех политических сил - от правых до крайне левых, включая представителей «безработных трудящихся» и пикетчиков, официальных и оппозиционных профсоюзов, маоистов из ССС и «матерей с Майской площади». Все политиканы вступили в сговор против поднявшегося с колен народа. Но и это уже не спасло Родригеса Саа. 29 декабря он ушел в отставку, и 1 января 2002 г. был заменен другим перонистом - Дуальде. Тот не нашел ничего лучше, кроме продолжения старого курса: была объявлена девальвация песо, что означает реальное сокращение заработков на 20-30%. Сотни человек остаются под арестом.

Кризис в Аргентине не решен. Более того, он продолжает углубляться. Продолжаются разгромы магазинов и народные протесты. На улицах собираются народные ассамблеи.

«Ситуация остается взрывной, - комментировала в январе 2002 г. анархистская группа «Свобода» из Буэнос-Айреса. - Массы перешагнули через голову руководителей... Ни один политик, профсоюзный лидер или предприниматель не пользуется престижем в Аргентине. Народ устал от нищеты и грабежа, которому он ежедневно подвергается».

Тогда власть имущие попытались разыграть другую карту - национализма. Во всех бедах и неурядицах пытаются обвинить исключительно Международный валютный фонд. Как будто аргентинские буржуазия и политиканы - агнцы невинные! Под дымовой завесой националистической истерики новые перонистские власти явно не намерены ничего менять. Они даже не собираются отменять ограничение на выдачу денег из банков и касс. Скоро людям будет не в чем получать зарплату...

Не удивительно, что буря не желает стихать. Терпение трудящихся лопнуло, разгромы магазинов и «кастрюльные марши» с требованием еды продолжаются. Остается надеется, что народ, почувствовавший свою силу и удовольствие от свержения министров и президентов, будет нелегко вновь заставить замолчать.

По информации МАТ

БЮЛЛЕТЕНЬ ИЗДАЕТСЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗОМ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (МПСТ)
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ОБЪЕДИНЕНИЯ «РОСТСЕЛЬМАШ» (РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Адрес МПСТ: 117485 Москва, а/я 34
Электронный адрес: mpst@mail.ru
Страничка в Интернете: http://mpst.tsx.org
Адрес Рабочего комитета «Ростсельмаш»:
344091, Ростов-на-Дону, а/я 1173